

Глава 1

— Подумать только, этому Цэнь Цзину и впрямь не позавидуешь. Хэ Цыдун хоть и женился на нём, но в первую же брачную ночь на глазах у всех привёл в дом своего любовника. Интересно, кому он так публично утер нос?

— Не позавидуешь? Да он сам виноват, поделом ему. Обычный бастард, кто не знает, что он дешёвка? Безумный и бесхребетный, ради Хэ Цыдуна готов пресмыкаться, словно верный пёс. Да и семья Цэнь просто хотела использовать его, чтобы привязать к себе Хэ Цыдуна. А тот согласился на брак, во-первых, из-за деловой необходимости, а во-вторых, я слышала, семья Цэнь похитила его любовничка, вот он в ярости и уступил.

— Неужели господин Хэ такой пылкий романтик? А этот Цэнь Цзин последние два года повсюду называл себя его парнем, бесстыдник. Вот уж правда, собачья преданность до добра не доводит.

— А вот и нет, он хотя бы свидетельство о браке получил. Уж лучше формальный статус, чем совсем ничего.

За этими словами последовал сдавленный, полный злорадства смех.

Никто из них не замечал, что в углу зала неподвижно стоит мужчина.

Он был худ, аристократически бледен, с утончёнными чертами лица. Когда он, опустив глаза, слегка покачивал бокал, непослушные пряди волос падали на веки, скрывая его истинное выражение.

Цэнь Цзин слышал всё до последнего слова.

Криво усмехнувшись, он вылил остатки красного вина в зелёные насаждения за окном.

«Здоровье сейчас не купишь, нужно себя беречь».

Вот уже неделя, как он очутился в мире романа под названием «Надеюсь, в следующей жизни я буду больше похож на него».

Это была типичная история о порочной любви, где один партнёр унижает другого, а тот безропотно всё терпит. Хэ Цыдун играл роль жестокого мучителя, а ему, Цэнь Цзину, была отведена незавидная участь его жертвы, готовой на любые унижения.

В сущности, этот мир почти не отличался от его прежнего, за исключением одного существенного аспекта — здесь были узаконены однополые браки. За прошедшие дни никто так и не заметил в нём подмены, и дело было не в его актёрском таланте, а в том, что всю первую неделю он провёл на больничной койке, с трудом поднимаясь с постели.

Брак был настоящим. И любовник, которого властный муж привёл в дом в первую брачную ночь, — тоже. Единственное, чего не знали эти сплетники, так это того, что в ту ночь прежний владелец этого тела провёл несколько часов в ледяной воде и едва не умер от переохлаждения.

И уж тем более им было невдомёк, что, когда он вновь открыл глаза, в этом теле уже находился совершенно другой человек.

В прошлой жизни Цэнь Цзин был финансовым юристом и умер совсем молодым, в двадцать

девять лет. Его утащил за собой с крыши небоскрёба обезумевший от банкротства клиент. Он погиб в два часа ночи, в проливной дождь. Один. Без родителей, без любимого человека, без друзей. Даже целого тела не осталось — ужасный конец.

За неделю, проведённую в постели, он сумел досконально восстановить в памяти сюжет романа с персонажем-тёзкой, который ему когда-то случайно попался на глаза. Оказалось, что финал у его предшественника в этом мире был ничуть не лучше его собственного, а то и хуже. Ему суждено было умереть, причём в полном забвении и нищете.

Книжный Цэнь Цзин, по правде говоря, и сам был не совсем нормальным. Статус незаконнорождённого сделал его болезненно чувствительным и одержимым. С того момента, как он, словно околдованный, без памяти влюбился в Хэ Цыдуна, его путь превратился в бесконечную череду унижений. Многие называли его психом. Но роковой ошибкой стало то, что в конце концов он посмел тронуть его «белый лунный свет».

Этим «белым лунным светом» был Яо Вэньюй, человек, который, даже родившись в грязи, тянулся к солнцу. В прошлом они с Хэ Цыдуном вместе прошли через нужду, и Яо Вэньюй спас ему жизнь. Он стал для Хэ Цыдуна единственным неприкосновенным существом во всём мире. Любой, кто смел его тронуть, был обречён.

Свадьба, состоявшаяся неделю назад, действительно была результатом похищения Яо Вэньюй семьёй Цэнь. И прежний Цэнь Цзин принимал в этом непосредственное участие. Его отношения с семьёй и так были натянутыми до предела, но новость о возвращении Яо Вэньюй на родину подстегнула его к отчаянному шагу.

Как оказалось, он добился своего, но тем самым навлек на себя испепеляющий гнев Хэ Цыдуна.

Хэ Цыдун, в отличие от Цэнь Цзина, был из тех, кто не скрывал своей подлости. С точки зрения читателя, всё выглядело так: Цэнь Цзин сам униженно лез к нему, а тот лишь пользовался этим, сделав его заменой и мишенью для физических и душевных истязаний, чтобы потом, накануне возвращения своей истинной любви, безжалостно его отшвырнуть. Когда с «белым лунным светом» случилась беда, Хэ Цыдун, хоть и знал, что зачинщиком был Цэнь Цзин, всё равно использовал его для спасения любимого.

Так «бывший парень» в одночасье стал мужем, и сюжет, словно сорвавшийся с цепи пёс, понёсся вскачь.

Согласно книге, через год империя семьи Цэнь падёт под натиском Хэ Цыдуна. Цэнь Цзин получит на руки свидетельство о разводе, а его тело, здоровье которого было подорвано ещё в брачную ночь, окончательно сдаст через два года. Он умрёт в съёмной каморке в каком-то захолустном городишке. Его тело обнаружат лишь спустя долгое время.

Когда такой финал стал достоянием общественности, читатели разразились потоками брани. Они проклинали Хэ Цыдуна за бессердечие и клеймили его как эталонного подонка, который в итоге остался при деньгах и власти. Ругали Цэнь Цзина за его рабскую покорность и стокгольмский синдром, из-за которых он в конечном итоге погубил себя.

Но больше всего досталось автору. Её обвиняли в мрачности и извращённых взглядах на жизнь. В конце концов ей пожелали выйти замуж за такого, как Хэ Цыдун, или найти себе парня, похожего на Цэнь Цзина. Трудно было придумать проклятие ядовитее.

«Время для моего появления выбрано крайне неудачно, — размышлял Цэнь Цзин. — Слово в

игре, я попал на финальный уровень, прямо перед развязкой».

Очень скоро Яо Вэньюй при поддержке Хэ Цыдуна станет всемирно известным архитектором. А его, Цэнь Цзина, репутация уже уничтожена, а его так называемая семья жаждет лишь выжать из него последние соки.

И что самое важное — он был беден. На его счету оставалось меньше двадцати тысяч. Для человека, который носил титул бастарда из богатой семьи и только что заключил брак с одним из самых состоятельных магнатов, это было невысказано. Но, проверив банковский счёт, Цэнь Цзин был вынужден смириться с тем, что у него нет денег даже на побег.

Как юрист, он лучше других умел извлекать выгоду и избегать рисков. До краха семьи Цэнь оставалось меньше года. План был предельно ясен: до получения развода он должен заработать достаточно денег, чтобы обеспечить себе будущее, включая средства на лечение, а это была немалая сумма.

Что до Хэ Цыдуна, то с этим человеком Цэнь Цзин до сих пор не встречался. Он попал сюда, когда главная драма в книге уже отгремела. Всё это время он в одиночестве приходил в себя на вилле, не видя никого, кроме эконома и прислуги. Цэнь Цзин резонно полагал, что у Хэ Цыдуна и его «белого лунного света» есть другое, более уютное любовное гнездышко.

Впрочем, его это не волновало. Книжный Хэ Цыдун был человеком непростым. Выходец с улиц, в юности он какое-то время являлся с криминалом, его карьера знала и взлёты, и падения. В душе он был хищником — жестоким и беспощадным. Цэнь Цзин не горел желанием иметь с таким дело.

По его мнению, автор романа «Надеюсь, в следующей жизни я буду больше похож на него» просто выбрал не того главного героя. Цэнь Цзин был лишь инструментом, функцией, которую ввели в сюжет исключительно ради страданий. Он был не прочь уступить главную роль и с радостью позволил бы этой книге стать историей о великой любви двух людей, вместе покоривших мир.

Жить. Жить легко и свободно — вот его конечная цель. Прошлая жизнь была слишком утомительной, и он не хотел повторения.

Именно поэтому он и пришёл на этот деловой приём — чтобы лучше изучить обстановку. Его стартовый капитал был ничтожно мал, а инвестиционные риски велики. Ему нужно было найти больше возможностей, чтобы за год заработать достаточно денег.

Он не ожидал, что, простояв у окна всего пару минут, станет невольным слушателем такого количества сплетен. И уж тем более не думал, что сам окажется в центре этих пересудов, в роли жалкого посмешища.

Внезапно у входа в зал возникло оживление.

Из своего угла Цэнь Цзин прекрасно видел всё, что там происходило. Сначала его взгляд выхватил мужчину. Он скользнул по невероятно длинным ногам, обтянутым брюками от дорогого костюма, вверх, к идеальным пропорциям широких плеч и узкой талии. Резкие, выразительные черты лица, короткие волосы, решительный изгиб бровей и спокойный, глубокий взгляд.

Будучи от природы гомосексуалом, Цэнь Цзин не мог не признать, даже с чисто мужской точки зрения, что внешность и харизма этого человека были поистине исключительными.

Женщины, только что щебетавшие рядом, тоже невольно вытягивали шеи, пытаясь лучше разглядеть вошедшего.

— Лёгко на помине, — произнесла одна из них, в белом вечернем платье. — Я-то думала, кто вызвал такой переполох.

— Ты упускаешь главное, — перебила её другая. — Главное — кто рядом с ним! Хэ Цыдун впервые появляется на публике после свадьбы, и надо же — открыто пришёл со своим любовничком.

Услышав это, Цэнь Цзин на мгновение замер, а затем снова посмотрел в ту сторону.

Рядом с Хэ Цыдуном стоял ещё один человек. Это, должно быть, и был тот самый «белый лунный свет» — Яо Вэньюй. Утончённые черты лица, безупречно скроенный белый костюм, изящество в каждом жесте. Время от времени он наклонялся и что-то тихо говорил Хэ Цыдуну, а тот слегка склонял голову, прислушиваясь. Они выглядели как люди, давно и хорошо знающие друг друга.

Статус Хэ Цыдуна был очевиден — не прошло и минуты, как его окружила плотная толпа желающих поздороваться.

Цэнь Цзин потерял к ним всякий интерес.

— А Цэнь Цзин не пришёл? — внезапно снова заговорила та женщина, что вначале высказала ему сочувствие. — Будь он здесь, вот было бы зрелище.

— Конечно, не пришёл, — подхватил кто-то. — Сгорел бы со стыда.

— Кому стыдно? — негромко спросил Цэнь Цзин.

Женщина рефлекторно начала: — Конечно, Цэнь...

Она осеклась на полуслове. Не только она, но и все её собеседницы теперь смотрели на человека, полублокировавшегося на подоконник в углу. Даже для тех, кто привык судачить за спиной, момент был крайне неловким.

Сам же Цэнь Цзин, казалось, чувствовал себя совершенно непринуждённо.

Он отстранился от подоконника, выпрямился и с пустым бокалом в руке подошёл к ним. Передав бокал проходившему мимо официанту, он взял с подноса новый, с красным вином.

Повернувшись к замершим женщинам, он слегка покачал бокал и с улыбкой повторил их же слова: — Мой брак признан законом, у меня есть документ. Так что даже с точки зрения морали стыдно должно быть господину Хэ. Это он и тот, кто рядом с ним, заслуживают порицания. Вы согласны со мной?

Женщина, совершенно растерявшись, смогла лишь пролепетать: — Да... наверное, да.

Улыбка Цэнь Цзина стала шире, заставив окружающих замереть в смешанных чувствах. В этом кругу все знали Цэнь Цзина как человека угрюмого, вечно ходившего с таким лицом, будто ему все должны. А сейчас, если не считать нездоровой бледности, он выглядел совсем иначе. Чуть вьющиеся волосы, раньше вечно падавшие на глаза, теперь лежали в нарочито небрежном беспорядке, открывая взгляд. Глаза — чёрные, как смоль. Из его облика исчезла прежняя

болезненная изнеженность, а родинка под уголком глаза придавала ему неожиданное аристократическое изящество.

У всех присутствующих в голове пронеслась одна и та же мысль.

«Неужели Цэнь Цзин так красив?»

Шум, который они создали, был не слишком громким, но и не остался незамеченным. Окружающие, словно по негласному сговору, узнав Цэнь Цзина, тут же умолкали. Очень скоро вокруг воцарилась тишина.

Когда Цэнь Цзин обводил взглядом зал, он увидел, как Яо Вэньюй что-то шепнул на ухо Хэ Цыдуну.

Тот тут же поднял голову и посмотрел прямо в их сторону.

Их взгляды встретились.

Даже на расстоянии Цэнь Цзин отчётливо уловил в его глазах мимолётную вспышку отвращения.

В следующую секунду Хэ Цыдун направился к нему.

— Что ты здесь делаешь? — приблизившись, недовольно бросил он.

«Отлично. Классический властный поддонок».

Голос у него был низкий и глубокий, как выдержанное вино. С левой стороны из-под воротника рубашки виднелся край татуировки, уходящий куда-то вниз, заставляя воображение рисовать, что же там скрыто под одеждой.

«Опасная мысль».

Цэнь Цзин отвёл взгляд, затем снова посмотрел ему в глаза и, вскинув бровь, произнёс:— Мне нельзя? Я получил приглашение. Захотел — и пришёл.

На самом деле, в приглашении они были указаны как пара, ведь их брак был законен. Но Хэ Цыдун, очевидно, не собирался соблюдать приличия.

Сейчас весь зал, кто открыто, кто украдкой, смотрел в их сторону. Казалось, все замерли в ожидании очередной сцены из бульварного романа.

Хэ Цыдун резко схватил Цэнь Цзина за руку и потащил в сторону уборной.

Двое взрослых мужчин в такой позе выглядели нелепо. Цэнь Цзин попытался вырваться, но в ответ получил лишь более сильную хватку. Оценив со спины физические данные противника, он решил оставить попытки и позволил себя тащить.

В коридоре возле уборной Хэ Цыдун с силой швырнул его в сторону. Цэнь Цзин ударился плечом о стену, и по руке мгновенно разлилась острая боль.

— Чёрт! — выругался он, схватившись за плечо, и в ярости уставился на мужчину. — Ты больной?!

— Больной здесь ты.

Не успел Хэ Цыдун договорить, как сам ринулся вперед. Его ладонь, словно железные тиски, вжалась в ушибленное плечо Цэнь Цзина, пригвоздив его к стене.— Цэнь Цзин, — прошипел он, приблизившись вплотную, — я тебя предупреждал. Моё терпение лопнуло ещё на свадьбе. Ты и вправду думаешь, что я тебя не трону?

Цэнь Цзин с трудом перевёл дыхание. Лихорадка только вчера отступила, и тело было совершенно обессиленным. Сейчас он уже не мог воспринимать происходящее как страницы прочитанного романа, а стоящий перед ним Хэ Цыдун больше не казался плоским бумажным персонажем. Боль в плече была слишком реальной, жестоким напоминанием: он — Цэнь Цзин, и это — его жизнь.

— Отпусти, — подняв на него глаза, произнёс Цэнь Цзин.

Хэ Цыдун не шелохнулся.

Цэнь Цзин посмотрел на локоть, упирившийся ему в грудь, уловил едва различимый аромат, исходивший от мужчины, и снова поднял взгляд.— Свадьба была обманом с обеих сторон. Не слишком ли удобно теперь валить всё на меня?

«Чем один обманщик лучше другого?» — пронеслось в голове у Цэнь Цзина. Но Хэ Цыдун, казалось, не слышал его. Цэнь Цзин ухватился за его руку.— Если не отпустишь, у меня появятся все основания полагать, что ты намеренно ищешь предлог для близости.

Хэ Цыдун переместил локоть выше, почти сдавив ему горло.— Ты? — наконец презрительно усмехнулся он. — Много чести.

Сила этого мужчины была ужасающей. Цэнь Цзин задыхался, но быстро совладал с собой. Облизнув пересохшие губы, он неожиданно улыбнулся и медленно произнёс:— По правде говоря, не стоит так нервничать. Мы ведь, как-никак, спали вместе.

Судя по тому, как сильно Хэ Цыдун его ненавидел, Цэнь Цзин ожидал, что в следующую секунду его просто вышвырнут вон. Но, к его удивлению, этого не произошло.

Хэ Цыдун смотрел на него пару секунд, а затем саркастически хмыкнул:— Сам же распустил этот слух, и так вжился в роль?

Цэнь Цзин не сразу понял.«Какой ещё слух?»

Хэ Цыдун снова подался вперед, и его взгляд, холодный, как лезвие, казалось, скользил по позвоночнику, вызывая дрожь. Он наклонился к самому уху Цэнь Цзина и прошептал:— Впрочем, если тебе и вправду так не терпится, я могу подыскать для тебя пару человек.

<http://bllate.org/book/13436/1196227>